

Сегодня - 1996. - 16 февр. - 10.

Родион Нахапетов: безусловно выйду на площадку

Татьяна Рассказова

— Когда-то я читала, что ваш отец — узбек, мама — украинка и что родились вы в партизанском отряде. Я ничего не напутала?

— Всего лишь смешали легенду и реальность. Я родился не в землянке и не могу похвастать, что меня нянчили бородастые дядьки в тулупах и с автоматами наперевес. Но мама действительно была связной и незадолго до того, как дать мне жизнь, получила особое задание: нужно было перейти линию фронта и передать от партизан важные сведения в действующую армию. На этом пути она пережила тяжелые испытания: была приговорена к смерти, бежала из концлагеря, выполнила порученное, а возвращаясь назад, попала под страшную бомбежку в городе Пятихатки. Во время этой бомбежки я и родился. Маме пришлось прикрывать меня подушкой, оберегая от осколков и камней, которые сыпались отовсюду...

Что касается отца-узбека, то это уже легенда, которая пришла из фильмов «Нежность» и «Влюбленные» (тот и другой снимались в Узбекистане). В действительности я рос на Украине, отца никогда не видел.

— Каково ваше самое острое детское воспоминание: вкус, цвет, образ?

— У нас был сад, и каждое лето на чердаке (по-украински — «на горыще») бабушка сушила абрикосы. Их запах забыть невозможно.

— Детство было голодным?

— Конечно. Бабушка рассказывала, что когда она уходила работать в колхоз, а мама — в школу (она была учительницей), то мне оставляли на целый день только завернутую в марлю корку хлеба вместо соски.

— До «Нежности» и «Влюбленных», о которых вы упомянули, у вас была весьма любопытная роль: Ульянов-Ленин в фильмах «Сердце матери» и «Верность матери». Если вы работали с архивами, то не обнаружили ли каких-нибудь неожиданных свидетельств? Удалось ли их использовать? И существовала ли вокруг этих картин Донского специфическая атмосфера государственного заказа?

— Я воспринял приглашение Марка Донского не как госзаказ, а как дар, посланный через меня моей матери. Дело в том, что мама в свои 42 года была обречена, она умирала. Ее личная жизнь сложилась несчастливо, судьба одарила ее чередой несправедливых, бессмысленных страданий, с ее диагнозом «туберкулез легких» даже преподавать в школе было нельзя, а она очень любила детей. И сознание, что теперь ее сын, которого она с таким трудом выпестовала, стал актером и играет Ленина и что можно с гордостью рассказать об этом в больнице таким же несчастным, как и она, было для нее огромной психологической поддержкой. Я видел, что она воспринимает это как награду за свой скорбный жизненный путь.

Что касается меня, то, естественно, я по многу раз смотрел хронику, читал документы в подвалах Института марксизма-ленинизма, завел толстую тетрадь, куда записывал детали биографии, особенности поведения. Например, меня поразило открытие не то что неврастечности, но, скажем так, повышенной нервной возбудимости Ленина. Крупская рассказывала, что в период полемики с Плехановым он по ночам продолжал спорить, агрессивно выкрикивая что-то во сне и расчесывая себя до крови.

Подобных помет в моей тетради накопилось великое множество, я надоед Донскому, приставая со своими записями, но он абсолютно ничего не стал корректировать в сценарии. Единственная вольность, которую себе позволил, — это показал пыльную влюбленность Ленина в Крупскую, что вызвало активное недовольство консультантов, назначенных ЦК.

Поскольку было ясно, что Марк Семенович — в своем роде талантливый художник, но не слишком любит заниматься психологией человеческого поведения, то сниматься в очередном его ленинском фильме мне не хотелось. Поэтому я был просто счастлив, когда мой друг Эльер Ишмухамедов предложил сделать с ним картину. Это означало, что теперь я смогу двигаться и разговаривать в кадре, как мои сверстники, что не нужно будет каждый день по пять-шесть часов просиживать на гриме. (Меня ведь под конец все эти парики и накладки так измучили, что появилось ощущение, будто мне навечно налепили маску. Даже когда я был без грима, то испытывал навязчивое желание отодрать чужое лицо.)

И появился фильм «Нежность».

— В этой картине ваш герой пересказывает новеллу Барбюса о женщине, которая хотела нежно, не причиняя боли, расстаться со своим возлюбленным. Он долгие годы получал ее письма, не зная, что сама она давным-давно ушла из этой жизни. Скажите, когда несколько лет назад вы уехали в Соединенные Штаты, удалось ли вам нежно расстаться с Верой Глаголевой, вашей тогдашней женой?

— Я не думал уезжать навсегда, не разрабатывал тактики расставания с Верой и детьми: вовсе не собирался расставаться.

Став старше, я нахожу тот рассказ, который мы все когда-то любили, надуманным и мелодраматичным. Хотя верю в нежные человеческие отношения, в доброту, в сочувствие.

— Когда смотришь «Влюбленных», складывается впечатление, что этот фильм о вас. Если вам и в самом деле случалось быть лидером уличной компании, то, возможно, столкновения между дворовыми кланами в жизни были не столь романтичными? Не доходило ли дело до поножовщины?

— Когда мы закончили «Нежность», сценарист Агишев и режиссер Ишмухамедов очень много общались со мной, будоража мою память, провоцируя на истории о маме, о детстве, о каких-то случаях из жизни. Они готовили, о каких-то случаях из жизни. Они готовили фильм «Влюбленные», и не только на опыт конкретного человека, а на то чтобы

меня копировали, но фантазировали свою картину, зная, кого имеют в виду. Я не носился по городу на мотоцикле, не разбирался с обидчиками моих друзей, не плавал в ледяной воде среди арбузов, смытых с бахи, но в конце концов в моем сознании слились реальные и вымышленные сюжеты, из памяти выпала вся закадровая сторона фильма. Я не помню, где стояла камера, что говорил режиссер, — осталось только то, что происходило внутри картины, как будто это на самом деле было со мной. Очень странная история...

— Я почему-то с детства запомнила слова вашего Родина: «Когда нет настоящего, рано или поздно приходится врать. Но я не хочу так. Все должно быть по-человечески, иначе не стоит жить». У вас не возникало подозрения, что все ваше настоящее осталось здесь?

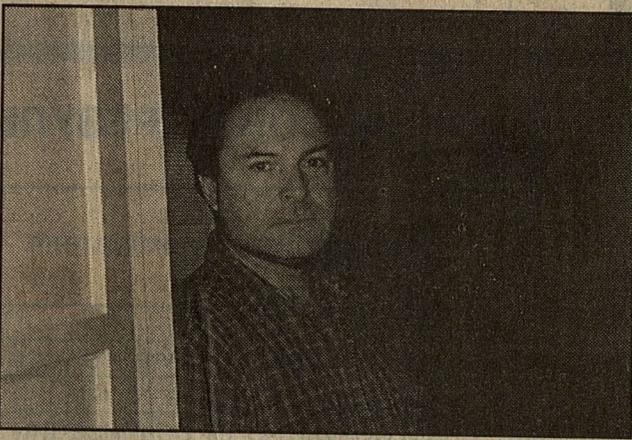
— Нет, никогда.

— Но кажется, в Штатах вы не вполне реализовались в своей профессии?

— Профессия — это еще не вся жизнь, важно, что происходит с самим человеком. Я уехал со своим прошлым, своими чувствами, своим характером. И остался прежним, не стал американцем, не сменил кожи. Многие артисты — особенно те, кто занялся бизнесом, здесь, на родине, изменились за эти годы гораздо больше, чем я.

— Насколько я помню, вы приехали по делам своего фонда, который руками американских хирургов помогает российским детям. Вы общаетесь с этими детьми непосредственно или занимаетесь только документацией и финансовым обеспечением?

— Конечно, общаюсь непосредственно.

Однажды среди ночи мне позвонили из Москвы совершенно незнакомые люди и сказали, что от порока сердца умирает их ребенок. Они умоляли помочь, найти врачей. Совпадение (а у меня тоже врожденный порок) показалось мне неслучайным, я почувствовал, что должен что-то предпринять. Мы помогли одному, потом второму... Я как бы открылся человеческому страданию, и оно обрушилось таким потоком, что и мне, и моей жене Наташе порой трудно с ним справиться.

Многим детям, страдающим этим заболеванием, в первый же год жизни нужна операция: если не сделать коррективную на ранней стадии (а в России оперируют лишь в 5–6-летнем возрасте), то к 14–15 годам ребенок погибнет. Мы организовали благотворительный фонд и для начала вложили собственные деньги (у меня как раз состоялся первый контракт со студией «XX век Фокс»). Благодаря авторитету участников фонда — кинематографистов Голливуда девятирочных российских детей бесплатно прооперировали в клиниках Нью-Йорка, Нью-Мексико, Стэнфорда, Лос-Анджелеса. Но мы понимали, что это не снимает проблемы. Поэтому решили пойти по другому пути: привозить врачей сюда. В сентябре 1995 года американские специалисты сделали в Казани спасительные операции тридцати детям. Еще у ста восьмидесяти были проведены тщательные анализы. А местные хирурги за последние месяцы прооперировали на нашей аппаратуре еще 22 ребенка и 18 взрослых.

Но в Америке меня часто спрашивают: хорошо, американцы помогают русским, а сами-то русские что делают? И приходится врать, говорить, что, конечно же, находим поддержку. Хотя в действительности никакого встречного движения с российской стороны до сих пор не было. Нам приходилось самим оплачивать и отели, и транспортные расходы. Сейчас ситуация как будто меняется к лучшему.

Иногда мне кажется, что фонд — это проверка, испытание моей личности. Я думаю, что сейчас настал период, когда от меня требуются действия в реальной жизни, невымышленных обстоятельствах.

— Означает ли это, что вы совсем не занимаетесь творчеством? Может быть, увидев в вас чужака, Голливуд вас отторг?

— Знаете, я никогда не прекращал творческой деятельности. Другое дело, что в Москве проявлялся главным образом как актер и режиссер, а в Лос-Анджелесе пишу сценарии, музыку. К сожалению, мне не удалось получить музыкального образования, но я сочинил большое количество мелодий. Многие из них забыл, потому что не знал нот. Я использовал свою музыку в документальной картине «Сны в Голливуде», снятой в Америке. Сейчас закончил еще один документальный фильм о нашей поездке в Казань, о том, что происходило после операций, о семьях наших детей и т. д.

— Реализованы ли ваши сценарии игровых фильмов?

— Пока нет. Но по одному из них будет сниматься картина с Джессикой Ланж в главной роли, правда, неизвестно, когда. Это, увы, зависит не от меня.

У меня есть собственная компания, которая занимается разработкой сценариев, бюджетов, подготовкой к съемкам. Но когда, наконец, сам я начну снимать, скажите трудно.

— И все-таки что вам подсказывает интуиция: выйдете ли вы на площадку когда бы то ни было? Если да, то в каком качестве: актерском, режиссерском?

— Безусловно выйду. Впрочем, относительно актерских занятий не уверен. Хотя в России я бы снялся. Да и от режиссуры бы не отказался.